

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ**

А.В. Юревич

**СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
АДАПТАЦИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ
КОНТЕКСТУ**

Препринт WP6/2004/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2004

Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 28 с.

Несмотря на постоянно звучащие утверждения о тяжелом кризисе всей российской науки, в современной России социогуманитарная наука оказалась в лучшем положении, чем естественная и техническая, а некоторые социогуманитарные дисциплины, такие, как экономика, политология, правоведение, социология переживают все основные признаки подъема. Главными причинами расцвета подобных дисциплин являются востребованность социогуманитарного образования, культ политики и всего, что с нею связано, обслуживание бизнеса и высокий спрос на социогуманитариев как экспертов в решении различных социальных проблем. Именно здесь пролегают основные направления взаимодействия социогуманитарной науки и рыночной экономики в современной России. При этом коммерциализация современной отечественной социогуманитарной науки совпадает с ее когнитивной либерализацией, и к тому же наблюдается тенденция к ее превращению в механизм трансляции знания, произведенного зарубежной наукой, в нашу социальную практику.

УДК 30
ББК 6/8

Yurevich Andrey V. Social science and humanities in modern Russia: adaptation to the social context. Working paper WP6/2004/02. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2004. — 28 p. (in Russian).

Despite permanent declarations about the total deep crisis in modern Russian science, the social sciences and humanities turned out to be in a better situation than natural and technical ones. And even more: some social sciences and humanities such as economics, political science, law and sociology even experience an upsurge. The main causes of the prosperity of these disciplines are high social requirements of the education in social sciences and humanities, cult of politics and everything which is connected with it, rendering services to business and high demand for such professionals considered as experts in solving social problems. That's here the main lines of interaction between social sciences and humanities and market economy in modern Russia are concentrated. Meanwhile the commercialization of national social sciences and humanities coincides with its cognitive liberalization and its transformation into the mechanism of the translation of knowledge produced by foreign science to our social practice.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://www.hse.ru/science/preprint/>

© Юревич А.В., 2004
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2004

Взлет гуманитариев

История науки с убедительностью свидетельствует о том, что единой для всех научных дисциплин траектории развития не существует: во-первых, развитие каждой из них подчиняется своей внутренней логике, во-вторых, каждый тип науки реагирует на свои собственные внешние стимулы. Так, давно подмечено, что для технической науки основным стимулом является производство, для естественной науки — базовые потребности человечества, такие, как открытие новых источников энергии, борьба с болезнями и т.п., для общественной — различные социальные проблемы, для гуманитарной — познание человека и контроль над его поведением. Поэтому если техническая наука наиболее интенсивно развивается во время подъемов производства, то периоды расцвета общественной науки приходятся на социально-экономические кризисы, а такие гуманитарные дисциплины, как история, филология, философия наиболее успешно развиваются в периоды “застоя” (примеры — Германия XIX в., СССР), когда внешний социальный контекст развития науки как бы “заморожен” и на первый план выходит интерес человека к самому себе. Кроме того, социогуманитарные дисциплины в целом более чувствительны к воздействию внешнего социального контекста и более гибко реагируют на его изменения, что проявляется в их большей подверженности, например, идеологизации и в большей зависимости от существующего в той или иной стране социально-политического порядка.

В результате, вопреки расхожим стереотипам (например, представлению о том, что науке “хорошо” при демократии и “плохо” при тоталитаризме), социальных условий, в равной мере оптимальных для всех научных дисциплин, по-видимому, вообще не существует¹, содействующее развитию одних дисциплин может препятствовать развитию других, в результате чего в одном и том же обществе разные науки чувствуют себя по-разному, а бедственное состояние естествознания может сочетаться с расцветом социогуманитарной науки или наоборот. При этом в условиях крутых раз-

¹ Даже реализация утопии Платона — создание государства, которым управляли бы не политики, а ученые, их не обеспечило бы, ведь вряд ли представители *всех* научных дисциплин оказались бы равно наделены властью.

воротов социально-политического курса общественные и гуманитарные дисциплины потенциально обладают лучшими возможностями оперативной адаптации к новому, чем наука естественная и техническая, и к тому же сами эти развороты, превращаясь в объект изучения, создают дополнительный стимул для развития социогуманитарной науки.

На фоне указанных закономерностей происходящее с наукой в современной России не выглядит парадоксальным. Хотя диагноз ей, как правило, выносится “методом вычисления средней температуры по больнице”, т.е. речь идет *о науке вообще*, в то время как “наука вообще” — это абстракция, разные виды научных дисциплин оказались в разном положении. Если естественная и техническая наука действительно обнаруживают все основные признаки упадка и разрушения (хотя имеются и отдельные позитивные тенденции)², то целый ряд социогуманитарных дисциплин демонстрирует все основные симптомы подъема, иногда характеризуемого как “бум” (табл. 1).

Отметим, что наша официальная государственная научно-техническая политика предпочтения социогуманитарным дисциплинам явно не отдает. Более того, в “Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу”, выражающих официальную государственную стратегию развития науки, под ней фактически имеется в виду только естественная и техническая наука, а о социогуманитарных дисциплинах сказано лишь одна фраза³. В подобных условиях заметные различия в состоянии разных научных дисциплин можно объяснить только тем, что социогуманитарная наука более успешно адаптировалась к отечественному варианту рыночной экономики (что, естественно, не означает отсутствия в наших НИИ значительного количества бедствующих и не востребованных гуманитариев). И символично, что новая страта нашего научного сообщества, которую можно назвать “новыми русским учеными”, имеющими доход свыше 1000 долл. в месяц, формируется в основном за счет социогуманитариев.

Способы и механизмы адаптации отечественных социогуманитариев к рынку весьма разнообразны, причем в условиях отчетливо наблюдающейся *стратификации* нашего научного сообщества каждая возрастная,

² См.: Юревич 2002.

³ Фраза о “повышении роли социальных и гуманитарных исследований”, сильно напоминающая дискурс партийных постановлений советского времени. См.: *Основы политики Российской Федерации...* 2002.

Таблица 1. Симптомы подъема российской социогуманитарной науки

Симптом	Проявление
Возрастание общей численности специалистов	Значительный рост численности социологов, экономистов, психологов и особенно политологов
Рост количества исследовательских центров	Появление 300 “независимых” политологических центров, более 100 новых центров по изучению общественного мнения и т.д.
Лучшее материальное положение социогуманитариев по сравнению с представителями других наук	Более высокий уровень доходов и большее разнообразие их источников
Возрастание выпуска аспирантов и докторантов	В экономике — в 2,5 раза, в политологии — в 3 раза и т.д.
Наиболее высокая стоимость платного обучения	На ряде факультетов социогуманитарных вузов — свыше 5 тыс. долл. в год
Политика негосударственных вузов	97% этих вузов заняты предоставлением услуг в сфере гуманитарного образования
Обновление учебных курсов	75% новых учебных курсов относится к области менеджмента, экономики и юриспруденции
Политика зарубежных научных фондов	Большинство из них в России поддерживает социогуманитарные науки
Данные опросов	Основная часть студентов считает наиболее перспективными дисциплинами экономику, правоведение, политологию, социологию, психологию и международные отношения
Общественный интерес и внимание СМИ	Главным ресурсом нашего общества считается гуманитарное образование; СМИ уделяют основное внимание экономистам и политологам; и т.п.

дисциплинарная, ведомственная и тому подобная группа реализует свою, характерную именно для нее, “модель выживания”, т.е. участвует в “рыночном заплыве”, выбрав свой собственный стиль. Вместе с тем вырисовываются и достаточно типовые стратегии адаптации социогуманитариев к нашему рынку, которые можно считать *главными способами взаимодействия социогуманитарной науки и рыночной экономики в современной России*.

Дисциплины-лидеры

Наиболее естественный из подобных способов связан с системой образования, а одна из главных причин лучшей адаптированности социогуманитариев обычно видится в большей востребованности гуманитарного образования, нежели естественнонаучного или технического.

Самым простым и очевидным показателем популярности различных видов образования служит конкурс в соответствующие вузы. По этому показателю гуманитарные вузы и гуманитарные факультеты университетов у нас с 1970-х гг. стабильно опережают естественные и технические, что, кстати, противоречит тенденциям, наблюдающимся в других странах мира. В первые годы рыночных преобразований эта традиция не нарушилась, хотя и была несколько модифицирована сдвигами в иерархии самих социогуманитарных дисциплин. А опрос, недавно проведенный РОМИР⁴, продемонстрировал, что наши студенты делят социогуманитарные дисциплины на три категории, относя к “дисциплинам-лидерам” экономику и право, к числу “перспективных дисциплин” — социологию, психологию и международные отношения, а к наименее престижной категории “дисциплин-аутсайдеров” — историю, филологию, философию, культурологию и педагогику⁵.

Подобная стратификация изрядно отличается от иерархии позднесоветских времен, когда наименее “доступными” считались философские и филологические факультеты. Однако в целом тенденция сохранилась: конкурс в гуманитарные вузы и на гуманитарные факультеты университетов по-прежнему выше, а, скажем, технические вузы, возвысившие себя в ранг университетов, держатся “на плаву” в основном за счет открытия в общем-то непрофильных для них гуманитарных факультетов, а также факультетов менеджмента, маркетинга и т.п.

Близким по смыслу, но более современным показателем большей востребованности гуманитарного образования служит стоимость платного обу-

⁴ Белов, Плотникова 2001.

⁵ Любопытно, что в статистике РГНФ запечатлена чуть ли не противоположная картина: больше всего грантов получают филологи, а меньше всего — политологи и юристы (Семенов 2002). Никакого противоречия тут нет, просто то, что остается от грантов наших научных фондов после всевозможных поборов — начисления на зарплату, отчисления институтам и вычета подоходного налога, — служит очень слабым стимулом для представителей наиболее “избалованных” дисциплин. А известную поговорку можно перефразировать так: “Что филологу хорошо, политологу смерть”.

чения в соответствующих вузах. Здесь среди лидеров — Московский институт международных отношений и Высшая школа экономики, а обучение на гуманитарных факультетах негуманитарных вузов стоит дороже, чем на негуманитарных.

Еще один родственный показатель данного плана — размер взяток и прочих неформальных платежей, которые сопутствуют поступлению в вузы. Хотя официальная статистика в данном случае по понятным причинам отсутствует, неформальный опыт абитуриентов и их родителей не оставляет сомнений в том, что и по этому, специфическому для нашей страны параметру, гуманитарные вузы тоже находятся вне конкуренции.

Показательна также политика негосударственных вузов, которые, по общему признанию, в наибольшей степени реализуют — в сфере образования — рыночные принципы. По имеющимся оценкам, 97% новых негосударственных вузов заняты предоставлением услуг в области гуманитарного образования⁶. Названия этих вузов тоже показательны: в них, как правило, фигурируют обозначения наиболее конъюнктурных, т.е. социогуманитарных, дисциплин — экономики, политологии, социологии, психологии, права, а не, скажем, физики, химии или биологии. Кроме того, 75% всех новых учебных курсов относятся к менеджменту, юриспруденции и экономическим дисциплинам⁷.

Описанные тенденции продолжают продолжаться на уровне аспирантуры и докторантуры. Уже в 1998 г. более 40% выпускников аспирантуры составляли гуманитарии, что в числовом выражении равнялось 7230 человек, в то время как в 1995 г. их было всего 4260⁸. Примерно треть выпуска аспирантов приходилась на экономические науки. Количество экономистов среди выпускников аспирантуры с 1995 г., когда их было 993 человека, к 1998 г., когда их стало 2052, возросло более чем в 2 раза. А среди выпускников докторантуры число экономистов за эти годы увеличилось на 29% — с 54 до 76 человек. Заметный прирост выпускников аспирантуры и докторантуры происходил также в таких областях, как право и социология. Но максимальное — трехкратное — приращение выпуска аспирантов и докторантов приходится на политологию, где, например, количество докторантов возросло с 17 человек в 1995 г. до 51 в 1998 г.

⁶ Кемеров 2001.

⁷ Дежнина 1999.

⁸ Шиянова 2001.

Обозначенные тенденции получают и идеологическое оформление. Часто звучат высказывания о том, что “гуманитарное образование становится производительной силой общества”⁹, а наступивший век будет веком гуманитарной науки¹⁰, в то время как на Западе его воспринимают как век биологии¹¹.

Востребованность системой образования содействует “буму” социогуманитарной науки и облегчает ее адаптацию к нашему специфическому рынку. И хотя среднестатистическая зарплата гуманитариев по-прежнему свидетельствует об “униженном и оскорбленном” состоянии российской интеллигенции, в некоторых вузах она составляет порядка 500 долл., а зарплата деканов социогуманитарных факультетов превышает, подчас заметно, 1000 долл.

Но, как всегда в нашей стране, куда лучшие возможности заработать предоставляет теневая экономика — в данном случае теневая экономика образования. Ее масштабы оцениваются — разумеется, очень приблизительно — суммой порядка 2 млрд. долл. в год, из которых (опять же сугубо приблизительно) лишь четвертая часть идет на взятки и тому подобное, а остальное — на формально не зарегистрированные, но вполне заслуженные гонорары репетиторов. И вполне понятно твердое сопротивление основной части вузовских преподавателей введению Единого государственного экзамена (ЕГЭ), которое чревато тем, что “натаскивать” будут не на вступительные экзамены в вузы, а на ЕГЭ, и соответствующие 1,5 млрд. долл. “уплывут” из рук вузовских репетиторов в руки репетиторов школьных. По этой же причине идея ЕГЭ так интенсивно “проталкивается” противоположной стороной.

Повышение востребованности поствузовского гуманитарного образования, проявляющееся в росте численности аспирантов и докторантов, а также возрастание популярности соответствующих ученых степеней, для получения которых, естественно, нет необходимости учиться в аспирантуре и докторантуре, создает естественный соблазн коммерциализировать и все это. Что и делается. Все более широко внедряется практика платных защит, платного соискательства и т.д., создающая труднопреодолимые препятствия для малообеспеченных соискателей, однако в некоторых случаях выглядящая вполне уместной. Так, около 15% кандидатских диссертаций

⁹ Кемеров 2001: 88.

¹⁰ Степин 1996.

¹¹ Наука и общество... 2002.

сейчас защищают представители коммерческих структур, которые посредством платных защит “делятся” с научно-образовательными учреждениями. Эта практика тем более справедлива в отношении наших политиков, редкий из которых сейчас не имеет ученой степени, причем, как правило, докторской¹².

Поскольку любая формальная, легализованная система всегда имеет в нашей стране свое неформальное отображение — в сфере теневой экономики, практика подготовки диссертационных работ тоже не могла не пустить в ней отростки. Существует достаточно типовой “прейскурант”, согласно которому написать другому лицу кандидатскую диссертацию стоит 5 тыс. долл., а докторскую — 10 тыс., причем цены на этот неформальный вид научной продукции в последние годы растут. Наибольший спрос, естественно, существует на диссертации, подготовленные в области наиболее конъюнктурных дисциплин — экономики, политологии и др., и уже сформировался слой гуманитариев, для которых подобная деятельность составляет основной источник доходов.

Те, кто пишет на заказ диссертации, нередко пишет за других и книги (на научные статьи существует меньший спрос), что расширяет сферу подобных услуг. Их клиентуру, разумеется, нетактично, да и небезопасно раскрывать. Но если некий политик или государственный деятель, не сходя с телеэкрана или не покладая рук на службе отечеству, при этом умудряется издавать в год пару-другую книг, можно не сомневаться, что он принадлежит к этой самой клиентуре и поддерживает нашу многострадальную науку, но не общепринятым, а закулисным образом, внося вклад не в приращение научного знания, а в повышение благосостояния действительных авторов своих произведений.

У чопорного представителя традиционной научной культуры подобные способы “адаптации” нашей социогуманитарной интеллигенции к рынку могут вызвать негодование. Однако их не стоит драматизировать. Поскольку основная часть нашей рыночной экономики находится в тени, было бы очень странно, если бы наука, адаптирующаяся к такому рынку, тоже не погрузилась в тень и не приобрела бы, по крайней мере, “серые” очертания¹³.

¹² Более подробно об этом своеобразном увлечении наших политиков и его причинах см.: Юревич, Цапенко 2003.

¹³ Вообще же тема “теневого науки” обещает стать одним из ключевых сюжетов отечественного науковедения.

Впрочем, в легальных связях представителей социогуманитарной науки, особенно вузовской, с политической и бизнес-элитой тоже нет недостатка. Та часть отечественных бизнесменов и политиков, которые планируют дать образование своим отпрыскам в нашей стране, а не за рубежом, любят завязывать неформальные отношения с ректорами и деканами вузов, и редкий юбилей ректора какого-либо университета обходится без участия людей, широко известных в мире бизнеса и политики. К тому же в последние годы отечественные бизнесмены начали делать пожертвования вузам, и соответствующая интернациональная практика наконец-то начинает распространяться и у нас.

Главным персонафицированным символом крепнущего союза между нашей образовательной системой и миром бизнеса стало избрание ректором одного из лучших отечественных университетов бизнесмена, не имеющего ученой степени. И хотя эта история не имела счастливого продолжения, а наиболее подходящая “ниша” для подобных людей — все же место не ректора, а председателя или члена попечительского совета, подобные симптомы говорят о взаимоприятии современного российского бизнеса и отечественной системы образования. И их сближение не может не радовать — невзирая на все сопутствующие ему недоразумения и эксцессы.

Культ политики

Одной из главных причин высокой востребованности социогуманитарных наук в современной России служит настоящий культ политики и всего, что с ней связано (у нас даже разводы нередко совершаются по политическим причинам, что немало удивляет иностранцев). Поэтому вполне закономерно и изменение общей траектории развития отечественной науки, которое можно выразить формулой “из космоса в политику”¹⁴, и ее переключение с выполнения прежних социальных функций, таких, как обслуживание ВПК, который потреблял более 80% общих расходов на советскую науку, на выполнение новых функций — таких, как обслуживание мира политики. Соответствующий социальный заказ оформился как заказ в первую очередь социогуманитарной науке, что не так тривиально, как может показаться на первый взгляд, и было предопределено не столько

¹⁴ Юревич 1999.

общими закономерностями взаимодействия науки и политики, сколько спецификой ново-русской политической культуры.

В западных странах, где, по подсчетам экономистов, 65—80% прироста национального благосостояния происходит за счет научно-технического прогресса, один из стержневых компонентов программы любой солидной политической партии составляет *научно-техническая политика*, а восприятие политиков электоратом во многом зависит от их вклада в создание оптимальных условий для развития науки и техники¹⁵. В результате западные политики, как правило, “дружат” не с какой-либо отдельно взятой наукой, а с научно-техническим комплексом в целом.

Иное дело — наши, отечественные политики. Несмотря на их патологическое пристрастие к ученым степеням, научно-техническая политика занимает крайне скромное место (а чаще вообще не занимает никакого места) в их предвыборных программах и их риторике¹⁶, а их взаимодействие с наукой построено по схеме “наука для политики”, а не наоборот. Ими востребована лишь та наука, которая позволяет улучшать политические имиджи, готовить и проводить избирательные кампании, зондировать и “зомбировать” общественное мнение, т.е. та наука, которая полезна лично им, а не та, которая обеспечивает развитие общества и повышение его благосостояния.

Потребности отечественных политиков и их сугубо потребительское отношение к науке обусловили не только “разворот” общей проблематики наших социогуманитарных дисциплин и их “равнение на политологию”¹⁷, но и ряд институциональных изменений в их организации. Наша академическая наука оказалась плохо приспособленной к выполнению такой специфической и неакадемической функции, как обслуживание политиков¹⁸. Зато как грибы после хорошего дождя (интересно, что это вы-

¹⁵ *Political action* 1979.

¹⁶ В лучшем случае они говорят о необходимости поднять уровень жизни ученых — наряду с врачами, учителями и другими категориями бюджетников, что научно-технической политикой назвать никак нельзя.

¹⁷ Отметим в этой связи, что лавинообразный рост численности политологов происходит у нас не только за счет неофитов, но и за счет “мигрантов” из других дисциплин — из философов, социологов, психологов и др., превратившихся в политологов.

¹⁸ В 1997 г. на Общем собрании РАН констатировалось, что за последние 5 лет институты РАН отправили в различные властные структуры около 2 тыс. всевозможных докладов и аналитических записок, подавляющая часть которых, как было отмечено там же, “ложится под сукно” (*Дневник Общего собрания РАН* 1997: 227). С тех пор в отношениях власти и академической науки мало что изменилось.

ражение независимо друг от друга употребляют самые разные исследователи) стали плодиться так называемые “независимые” исследовательские центры, которые довольно быстро оттеснили академическую науку от умов и кошельков наших политиков.

В последние годы создано более 100 новых социологических центров, которые в основном проводят опросы общественного мнения и выполняет другие прикладные заказы, имеющие непосредственное отношение к политике¹⁹. Возникло и более 300 собственно политологических исследовательских центров с весьма сомнительной, за немногими исключениями, репутацией, но зато со средним оборотом порядка 300 тыс. долл. в год²⁰. А эта цифра, какой бы ненадежной она ни была, служит убедительной иллюстрацией того, какая именно “наука” у нас востребована.

Нет смысла в очередной раз оценивать “лихорадочное основание всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций”²¹, связывая его с тем, что “конкурировать в одиночку с представителями академической науки непросто, однако можно это делать, выступая с оценками от имени центра или фонда с солидным наукообразным названием”²², с особенностями “антрепренерской” — в терминах Дж. Раветца — науки²³ и давать характеристику соответствующим образованиям. Отметим лишь, что они вполне органично интегрированы с миром политики и, по всей видимости, дают нашим политикам то, чего те хотят, ведь иначе соответствующие “аналитики” не жили бы долго — по крайней мере, в качестве аналитиков.

Новыми институциональными формами адаптации нашей социогуманитарной науки к происходящему в современной России стали также “институты-карлики” и “институты-призраки”.

“Институты-карлики”, которыми с недавних пор начали обростать наши университеты и другие крупные вузы, — это вполне интернацио-

¹⁹ Юревич, Цапенко 2001.

²⁰ Цепляев, Пивоварова 2002.

²¹ Филатов 1993: 94.

²² Там же. Отметим, что и представители академической науки в последние годы активно включились в это движение, создавая прикладные научные центры в составе академических институтов или при них.

²³ Ravetz 1971.

нальная форма организации науки, в какой-то мере противоположная гигантизму советских научно-исследовательских учреждений, все еще дающему о себе знать и в российской науке. В отличие от характерных для отечественной науки “НИИ-гигантов”, насчитывающих в своем штате несколько сот сотрудников, в штате “институтов-карликов”, как правило, состоит 5—10 человек, и создаются они, опять же в отличие от наших традиционных НИИ, не на века, а для решения определенной задачи, в большинстве случаев так или иначе связанной с политикой.

В условиях рыночной экономики “институты-карлики” имеют немало преимуществ перед “НИИ-гигантами”, таких, как большая гибкость тематики, возможность ее оперативного изменения, отсутствие в штате того, что в академических институтах называют “балластом”, и т.д. В то же время жестко противопоставлять друг другу эти формы организации науки бы неверно. К тому же очень распространенной формой их взаимодействия является ситуация, когда специалисты, работающие в негосударственных “институтах-карликах” на договорных началах, при этом хранят свои трудовые книжки в государственных “НИИ-гигантах”, где раньше появлялись лишь в дни зарплаты, а теперь, после того, как их зарплаты стали переводить на кредитные карточки, не появляются вовсе.

В отличие от “институтов-карликов”, “институты-призраки” выглядят не интернациональной, а специфически российской формой организации науки, неся на себе печать массовой склонности к профанациям, очень характерной для нынешнего российского общества. Как и любые призраки, подобные институты неуловимы, а об их существовании можно судить лишь по неким косвенным признакам — главным образом, по материализованным продуктам их трансцендентной активности. Ее типовыми проявлениями служат, во-первых, вывеска на стене какого-либо известного научного или образовательного учреждения, в помещении которого “призрак” живет — подобно тому, как привидения жили в средневековых замках, во-вторых, личность, которая позиционирует себя в качестве директора такого института, выступая, в основном в СМИ, от его имени. Другие проявления активности “институтов-призраков” окружающему их научному сообществу, как правило, не известны, хотя акты спиритизма, осуществляемые такими органами, как, скажем, налоговая инспекция, иногда позволяют их обнаружить и материализовать, поскольку в финансовом плане эти “призраки” отнюдь не бесплотны и не безгрешны.

Наука и бизнес

Еще один, помимо системы образования и мира политики, крупный потребитель социогуманитарного знания в современной России — это мир бизнеса, хотя, конечно, такие “миры” разделимы лишь в абстракции — и из-за их взаимовлияния, меру которого трудно переоценить, и из-за того, что многие известные личности являются одновременно и бизнесменами, и политиками. Отметим в данной связи, что “в норме”, т.е. в той модели взаимодействия науки и бизнеса, которая характерна для развитых стран, в наиболее тесных контактах с ним состоит не социогуманитарная, а естественная и, главным образом, техническая наука. В этом поле взаимодействуют две основные силы — “выталкивание” нового научного знания на рынок (push) и “подтягивание” его создания спросом (pull), а главным связующим звеном между его участниками служит *наукоемкое производство*. Оно стимулирует развитие прикладной науки, та, в свою очередь — фундаментальной, и именно эта связка обеспечивает как высокую востребованность науки, так и прирост 65—80% национального богатства развитых странах за счет НТП.

Именно на данную схему ориентированы, как на идеал, государственные программы развития российской науки, которые в общем страдают тем же недостатком, что и программа строительства коммунизма — “сдвигом идеала на реальность”. В современной России новое естественно-научное и техническое знание не востребованы, а состояние производственной базы таково, что мечты о его коммерциализации выглядят как “технологическая утопия”, как миф о светлом технологическом будущем России, пришедший на смену мифу о коммунизме. Привычной иллюстрацией этой утопии служит идея “национального российского автомобиля”, который мы уже не один десяток лет безуспешно создаем под мат разгневанных потребителей того, что из этого получается.

И здесь возникает сколь парадоксальная на фоне мировых стандартов, столь и симптоматичная для современной России ситуация, весьма далекая от той, которая стояла бы за часто и с горечью произносимой нашими учеными фразой: “наука в современной России никому не нужна и не востребована”. В действительности *современный российский бизнес предъявляет науке вполне отчетливый и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ, но, вопреки практике других стран, этот заказ обращен не столько к естественной и к технической, сколько к социогуманитарной науке.*

В общем-то понять эту одновременно и парадоксальную, и закономерную ситуацию не составляет труда. Как известно, наиболее доходны-

ми видами бизнеса у нас являются не наукоемкое производство (исключение — производство лекарственных препаратов, не требующих больших вложений капитала и при этом продаваемых по непомерно завышенным ценам), а первичная переработка сырья, торговля и финансовые операции. Соответственно от науки требуется не стимуляция наукоемкого производства и его снабжение новыми технологиями, а прежде всего создание “оптимальных”, т.е. наиболее выгодных для продавца, условий его взаимодействия с покупателем, оптимизация внутренних механизмов деятельности коммерческих структур, а также — и это уже идеологический заказ — оправдание подобного характера современного российского бизнеса и преподнесение его нашему обществу в качестве “неизбежного и единственно возможного”²⁴.

Нет нужды доказывать, что все три задачи относятся к ведомству социогуманитарной науки. А тремя основными точками ее взаимодействия с современным российским бизнесом служат, во-первых, маркетинговые исследования — изучение спроса, обследование различных групп потребителей, подведение научной базы под рекламу, торговлю и прочие виды коммерческих услуг; во-вторых, оптимизация кадровой политики и деятельности коммерческих фирм посредством профотбора, организационного консультирования, различных видов тренинга и так далее; в-третьих, хотя и в меньшей степени, изучение (а иногда и оправдание) современного российского бизнеса как нового для нас явления.

Войны экспертов

Можно проследить значительные различия не только в относительной востребованности социогуманитарных и естественных наук, но и в тех способах, которыми эта востребованность проявляет себя на практике, и соответственно в выдвигении на первый план тех или иных прикладных функций науки. Главную прикладную функцию естественной науки можно назвать “технологической”²⁵. Она состоит в построении знания, на основе которого создаются новые технологии, внедряемые в производство, позволяющие вы-

²⁴ Отсюда — мифы о непременно “грязном” первоначальном капитале, о неизбежной “аморальности” любого бизнеса и т.п., столь настойчиво внедряемые в массовое сознание идеологами наших реформ и пропитанные личными интересами определенных слоев, кланов и конкретных лиц.

²⁵ Юревич 2003.

пускать новые товары, постоянно обновлять наш быт и т.п. Социогуманитарная наука тоже выполняет данную — “технологическую” — функцию, что выражается в создании ее представителями политических и прочих социальных технологий, а также других видов применимых на практике стандартных процедур²⁶. И все же основная функция, выполняемая социогуманитариями в современном обществе, — не “технологическая”, а “экспертная”.

Шарль де Голль некогда сказал сакраментальную фразу: “Политику нет нужды обладать умом Спинозы. Его «ум» — это его консультанты и аналитики”. То же самое в принципе можно сказать об управленцах, бизнесменах и др. В тех случаях, когда им нужно принять сложное и ответственное решение, а такое случается очень часто, они, как правило, обращаются к советникам, консультантам, аналитикам, т.е. к *экспертам*, причем наиболее солидные корпорации и политические объединения предпочитают иметь их в своем штате и опираться на советы “своих” экспертов, что порождает такой характерный для нашего времени феномен, как “клики советников”²⁷. Давно подмечено, что сейчас ни одно серьезное решение не принимается без участия экспертов, а в современном обществе сложился настоящий “культ экспертов”²⁸.

Общеизвестно и то, что в качестве экспертов обычно привлекаются люди, которые обладают самым современным научным знанием и способны дать компетентный совет “от имени науки”. Например, отечественные СМИ на роли комментаторов “сражений политических бульдогов”, теперь уже “надковерных”, или каких-либо других событий, как правило, приглашают людей, имеющих ученые степени. Но и тогда, когда ученые-эксперты не попадают в очень престижную ныне когорту “видимых интеллектуалов”²⁹, их роль трудно переоценить. Соответствующие должности есть в органах власти всех развитых стран мира, списки советников их правителей пестрят фамилиями Нобелевских лауреатов, и даже успехи такого политика, как А. Пиночет, часто объясняют тем, что он опирался на советы университетской профессуры³⁰.

²⁶ Всевозможные ноу-хау, широко практикуемые социогуманитариями, тоже можно отнести к технологиям, но к индивидуализированным, построенным на основе не объективированного, а “личностного” знания.

²⁷ Макарычев 1997.

²⁸ Макарычев 1994.

²⁹ Филатов 1993.

³⁰ Макарычев 1997.

Хотя экспертная функция социогуманитарной науки наиболее зримо проявляется в тех ситуациях, когда решаются или обсуждаются важные общегосударственные вопросы, например, переносить сибирские реки в Среднюю Азию или не переносить³¹, она не менее важна и в тех “малых делах”, из которых складывается жизнь современного общества. Экономисты, политологи, психологи, социологи не только и не столько дают советы по поводу государственного устройства, сколько активно участвуют — в качестве экспертов — во всевозможных “малых делах”. Незаметность этих “малых дел” несколько камуфлирует востребованность социогуманитарной науки в ее экспертной функции, которая в действительности служит одним из главных способов использования ученых в современном мире.

Симптоматично, что в недавно вышедшей книге Т. Заславской утверждается: “Естественной функцией ученых-обществоведов является научное консультирование тех, кто облечен правом так или иначе экспериментировать над обществом”³². А в романе А. Кестлера “Девушки по вызову” (под которыми имеются в виду не представители самой древней профессии, а ученые — участники научных конференций) один из высоколобых формулирует соответствующее кредо таким образом: “Если шишкам нужен наш совет, пусть пользуются... Все остальное — вздор”³³.

На рынке экспертных услуг существует острая конкуренция. И здесь тоже сказались веяния времени. Если раньше конкуренция в нашей социогуманитарной науке велась в основном между научными школами, которые Т. Кун назвал “боевыми единицами” допарадигмальной науки³⁴, и между парадигмами, а ее предметом и соответственно яблоком раздора служил “единственно правильный” способ развития соответствующей науки (в домодернистской науке считалось, что таковой всегда имеется), то теперь в ней в основном узаконен парадигмальный плюрализм, а конкуренция ведется, главным образом, за расширение ареалов экспертной деятельности, а значит, и соответствующие источники финансирования.

³¹ В этой всколыхнувшей все наше общество в конце 1980-х гг. дискуссии проступила еще одна важная сторона экспертной процедуры — возможность ангажированности “своих” экспертов, в данном случае откровенно защищавших ведомственные, в том числе и финансовые, интересы соответствующего министерства, и необходимость обращения к независимым экспертам, способным дать не только компетентную, но и объективную оценку ситуации. К счастью для всех нас и для наших рек, в той дискуссии победили последние.

³² Заславская 2002: 556.

³³ Кестлер 2003: 135.

³⁴ Кун 1975.

Приведенный выше пример оттеснения от влияния на власть институтов РАН “независимыми” экспертными центрами служит ее иллюстрацией. Но это, если воспользоваться дарвиновской терминологией, — “борьба видов”, в данном случае — ведомственных видов науки, в то время как конкуренция на рынке экспертных услуг чаще напоминает гоббсовскую “войну всех против всех”, не исключаящую, впрочем, создания коалиций. А наиболее типовые стратегии ведения боевых действий в “войне экспертов” выразимы формулами: “он — не эксперт (ибо он — ангажированный, недостаточно образованный, неопытный и т.п.), а я — эксперт (ибо обладаю прямо противоположными качествами)”, либо “он, конечно, эксперт, но я как эксперт лучше”.

“Войны экспертов” стали неизбежным следствием характерного для современного общества “культы экспертов”, расчлененности экспертного сообщества на “клики экспертов”, постоянной борьбы претендующих на этот статус за потенциальных клиентов и наиболее высокие места в экспертной иерархии, и других подобных факторов. Подобно тому, как, например, за политиками и политическим кланом всегда стоят их эксперты, за теми или иными “компетентными”, т.е. выработанными с участием экспертов вариантами решения социально-экономических и политических проблем, всегда угадывается противостояние экспертных группировок. А противостояние политиков и выдвигаемых ими идей — это надводная часть менее зримой “войны экспертов”.

Хотя эти “войны” носят довольно беспорядочный характер и выглядят как множества локальных конфликтов между экспертами в “горячих точках” их деятельности, примерно совпадающих с основными фокусами общественных интересов, иногда они структурируются достаточно очерченной линией фронта, а “клики экспертов” объединяются в противоборствующие армии. Так, уже дважды упомянутое оттеснение нашей официальной, прежде всего академической, науки от влияния на власть было окрещено “революцией кандидатов”, состоявшей в том, что кандидаты наук, возглавляющие “независимые” исследовательские центры, оттеснили академиков.

Когда наше правительство возглавил академик Е. Примаков, началась революция, точнее, контрреволюция, академиков, которой не суждено было завершиться из-за быстрой кончины соответствующего правительства. Нынешняя же власть, которую принято считать центристской, в данном вопросе тоже придерживается центристской ориентации, опираясь на таких экспертов, как И. Илларионов, не принадлежащих к академическому бомонду, однако, в отличие от руководителей “независимых” исследо-

вательских центров, имеющих докторские ученые степени и достаточно высокий статус в официальной науке.

Несколько иначе настроены наши СМИ, особенно ведущие телевизионных программ, которые в качестве экспертов продолжают приглашать кандидатов наук, приобретших известность не столько в науке, сколько в политике, и (или) возглавляющих “независимые” аналитические центры. Причем круг этих людей, в пределах которого заметны лишь самые минимальные вариации, настолько узок, что просто диву даешься ограниченности представлений тележурналистов о нашем научном и соответственно экспертном сообществе.

Какие бы проблемы ни обсуждались — перспективы доллара, переход к контрактной армии, обязательное автострахование или аборт, — в качестве экспертов, как правило, фигурируют одни и те же до боли знакомые лица: И. Хакамада, Г. Явлинский, Б. Немцов, благодаря удачному сочетанию известности, вовлеченности в политику и наличию ученых степеней (кандидатских) прочно завоевавшие статус *универсальных экспертов*, т. е. экспертов по всем вопросам. За их спинами обычно вырисовываются привычные силуэты экспертов “второго ранга” — Г. Сатарова, М. Урнова и др. Эта компания в почти неизменном виде кочует из одной телепередачи в другую, и лишь в тех случаях, когда обсуждаются совсем уж специальные темы — такие, как структура марсианского грунта, в качестве экспертов можно увидеть других людей.

Вообще надо отметить, что сейчас СМИ — это одновременно и мощнейший катализатор развития тех или иных видов науки, а также паранауки, и зеркало, в котором отражается ее общее состояние и воспроизводится отношение общества к ней. Общеизвестно, что одним из главных индикаторов интереса общества к науке вообще и к различным научным дисциплинам в частности служит время, уделяемое им СМИ. В этом плане отечественные СМИ довольно-таки уникальны. Подсчитано, что, скажем, в Великобритании и в США по данному параметру явно лидируют медицина и биология (включая биоэтику), затем следуют науки о поведении, космонавтика, инженерия, экология, а экономика и политические науки занимают очень скромные позиции. По мнению В. Филатова, “такое распределение интересов более естественно для нормальных людей, озабоченных не экономическим выживанием, а качеством жизни и оздоровлением окружающей среды”³⁵.

³⁵ Филатов 1993: 96.

К этому можно добавить, что политика и соответственно политические науки типового представителя западного общества мало интересуют, а интерес к ним несколько оживляется лишь во время выборов высшей государственной власти, да и то, если им сопутствует какой-либо скандал. У нас же “сейчас на общественной трибуне тон задают экономисты и политологи”³⁶, а, скажем, физика по телевидению можно увидеть очень редко и в основном тогда, когда ему присуждается Нобелевская премия, получив которую, он снова выпадает из фокуса внимания СМИ, если, конечно, не приобщается к политике, как Ж. Алферов.

Естественно, подобная асимметрия интересов СМИ, одновременно и формирующая, и выражающая асимметрию социального заказа науке в нашем обществе, не могла не породить тенденцию к соответствующему изменению пропорций нашего научного организма и не внести корректировок в общую траекторию его развития. Как было отмечено выше, он прирастает в основном экономистами и политологами, некоторые его части, представленные некогда очень популярными естественными науками, проявляют тенденцию к истощению или вообще к атрофированию, а общее направление развития отечественной науки можно охарактеризовать как переключение с “космической” на “политическую” траекторию развития³⁷.

Коммерциализация и когнитивная либерализация

Активная коммерциализация нашей социогуманитарной науки совпадала с *либерализацией ее когнитивного контекста*, что заставляет вспомнить тесную связь идейно-политической либерализации с распространением рыночных отношений и в истории человечества. Постмодернистская методология уверенными шагами шествует по социогуманитарным дисциплинам, принося с собой легализацию плюрализма парадигм и концепций, освобождая

³⁶ Филатов 1993: 95.

³⁷ Следует отметить, что политизация современной российской науки очень органично вписывается в ее историю. “Ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью, и если они были политическими индифференталистами, то сама наука их считалась не настоящей”, — писал Н. Бердяев, назвавший эту нашу особенность “славянской” крайностью (Бердяев 1991: 33). А М.Г. Ярошевский продемонстрировал, что даже выдающиеся российские естествоиспытатели, такие, как И.М. Павлов и И.М. Сеченов, свои естественно-научные идеи тоже стремились вписать в определенный социально-политический контекст, подчинив их политическим целям (Ярошевский 1996).

дение от сколь-либо строгих правил и традиций и т.п.³⁸ Здесь, конечно, можно усмотреть простое *совпадение* параллельно разворачивающихся процессов: с одной стороны, распространения постмодернизма в современной, постнеклассической, в терминах В.С. Степина³⁹, науке, с другой — развития рыночных отношений в нашем обществе, в сеть которых вплелась и отечественная наука. Но можно разглядеть и *взаимосвязь* этих процессов — с одной стороны, создание лучших условий для коммерциализации научного знания в условиях постмодернистской методологии, с другой — облегчение распространения этой методологии, снимающей ригористичные методологические запреты, в условиях снятия запретов в окружающем науку социально-экономическом и политическом пространстве.

Пример можно взять из области психологии (как научной дисциплины). Основная часть психологической практики строится на в той или иной мере модифицированных принципах фрейдизма, а также на тесно связанных с ними принципах гуманистической психологии⁴⁰. Вместе с тем официальной методологией нашей психологической науки долгие годы был позитивизм, обросший марксистской фразеологией. И если бы легализация методологического плюрализма не произошла в сфере психологических исследований и в системе подготовки психологов, то возможности практического применения полученного ими образования были бы сведены к минимуму. И наоборот, плюрализм психологической практики, развивающейся по принципу “пусть расцветают все цветы”, не мог не отразиться на методологических стандартах академической психологии, которая в качестве одного из своих основных методологических ориентиров выдвинула принцип взаимной толерантности научных школ и концепций⁴¹.

Вообще коммерциализация социогуманитарной науки создает в ней весьма специфический спрос на академическое знание, т.е. на знание, выработанное той частью соответствующих научных дисциплин, которую принято называть фундаментальной наукой. Пожалуй, наиболее показательна в этом плане специфика спроса на *научные теории*. С одной стороны, они представляют собой вид научного знания⁴², наиболее удаленный

³⁸ См.: Юревич 2001, и др.

³⁹ Степин 2000.

⁴⁰ Введение в практическую социальную психологию 1994.

⁴¹ Юревич 2001.

⁴² В данном контексте мы используем этот термин в самом широком смысле, абстрагируясь от того, что в свете постмодернистских представлений теории предстают не как *знание*, а как интерпретации, догадки (К. Поппер) и т.п.

от практики, связанный с нею длинной цепочкой дедуктивных выведений и операционализаций. С другой стороны, такие теории, как фрейдизм, не просто оказались очень востребованными на практике, но и *породили* эту практику, да и вообще, по общему признанию, сформировали что-то вроде “прикладной религии” современного общества⁴³.

Кроме того, интенсивное развитие психологической, социологической, политологической и тому подобной практики, ее проникновение во многие области социальной жизни, не охваченные научными теориями, породило потребность в новых теориях, которые позволили бы упорядочить и саму эту практику, и соответствующие области социальных феноменов. Однако данная потребность оформилась, в основном, как спрос на теории “среднего ранга”, выполняющие функции упорядочения и систематизации соответствующего локуса реальности и не претендующие на большее. (По какой-то малопонятной причине большинство подобных теорий выглядит как “триады”, выделяющие в классифицируемой реальности какие-либо *три* аспекта). Что же касается так называемых “больших” теорий, то они, за редким исключением (того же фрейдизма и др.), в этой ситуации остались не у дел, о чем можно судить по тематике докладов на научных конференциях, где такие теории упоминают очень редко.

Подобная конъюнктура порождает весьма своеобразную систему отношений между отечественной социогуманитарной наукой, зарубежной наукой и нашей социальной практикой. У отечественных социогуманитариев, вынужденных подрабатывать и поглощенных коммерциализацией научного знания, остается мало времени на его производство, и основная часть научных исследований, особенно наиболее трудоемких — эмпирических — выполняется их студентами и аспирантами. “Большие” теории и другие виды обобщений глобального уровня тоже мало востребованы и обсуждаются лишь в узких кругах “методологов”, сохранивших пристрастие к этому виду интеллектуальной деятельности. Практика же хотя иногда и взывает к творческим обобщениям, все же в основном требует применения стандартных, хотя и адаптированных к той или иной специфической ситуации, методов и подходов.

В результате *отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную*

⁴³ См.: Беккер, Босков 1961.

практику, а ее главная задача все чаще формулируется как необходимость “внедрить западные рецепты на родную почву”⁴⁴.

В условиях глобализации современного мира, а значит, и современной науки, с одной стороны, и оскудения руки кормящего отечественную науку (которым традиционно было государство), утраты ею претензий на “самобытность”, выполнение специфических идеологических заказов и т.п., — с другой, подобная метаморфоза ее функций не должна особенно огорчать. Это ни в коей мере не лишает наших социогуманитариев статуса ученых, ведь, например, в Толковом словаре русского языка ученый определяется как “выученный, наученный чему-нибудь”⁴⁵, т.е. *обладающий* неким знанием, но вовсе не обязательно его производящий.

Выполнение посреднической функции — в передаче знания — оставляет изрядный простор для творчества, ибо знание, произведенное за рубежом, всегда нуждается в “адаптации” к нашему вечно специфическому контексту⁴⁶, да и сама невозможность прямой проекции этого знания на “загадочную русскую душу” и ее не менее загадочные внешние проявления служат предметом творческих объяснений и обобщений. К тому же абсолютно стандартных социогуманитарных техник и строго объективированных видов социогуманитарного знания вообще не существует. Это знание всегда в значительной мере субъективировано, дополнено “личностным знанием”⁴⁷, а стандартные техники всегда обрастают уникальным личным опытом и применяются в виде индивидуализированных ноу-хау. Так что наши социогуманитарии как “интеллектуальные посредники” тоже играют очень важную и вполне творческую роль, однако свое традиционное предназначение в качестве *производителей* нового знания они начинают утрачивать. И это, возможно, главный результат “адаптации” отечественной социогуманитарной науки к тому социальному контексту, который сложился в современной России.

⁴⁴ Кравченко 1999: 12.

⁴⁵ Ожегов, Шведова 1998: 846.

⁴⁶ Типовым примером могут служить разработанные за рубежом психологические тексты, всегда подвергающиеся сложной и трудоемкой адаптации.

⁴⁷ См.: Полани 1984.

Литература

- Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.
- Белов Е.В., Плотникова С.Г. Социально-гуманитарное образование в России: материалы социологического исследования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 225—311.
- Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 24—42.
- Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.
- Дежина И.Г. Наука в российских вузах: что делается сегодня для ее поддержания и развития? // Науковедение. 1999. № 4. С. 121—143.
- Дневник Общего собрания РАН // Вестник РАН. 1997. № 3. С. 195—235.
- Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.
- Кемеров В.Е. Взаимодействие социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 84—88.
- Кестлер А. “Девушки по вызову”. М., 2003.
- Кравченко А.И. Социология менеджмента. М., 1999.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
- Макарычев А.С. Система внешнеполитического планирования и анализа: опыт США 70—90-х годов // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12. С. 40—49.
- Макарычев А.С. Ученые и политическая власть // Полис. 1997. № 3. С. 89—101.
- Наука и общество на рубеже веков. М., 2002.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу // Поиск. 19 апреля 2002. № 16 (674).
- Полани М. Личностное знание. М., 1984.
- Семенов Е.В. Гранты в российской науке: достоинства, недостатки, перспективы // Науковедение. 2002. № 4. С. 8—15.
- Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
- Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Филатов В.П. Ученые “на виду”: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89—96.
- Цепляев В., Пивоварова Л. В коридорах власти пахнет анализами // АиФ. 2002. № 33 (1138).
- Шиянова И.А. Фундаментальное и прикладное знание в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 70—78.
- Юревич А.В. Новая траектория развития российской науки: из космоса в политику // Науковедение. 1999. № 4. С. 74—88.
- Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3—18.
- Юревич А.В. Неравное равенство: расслоение российского научного сообщества // Науковедение. 2002. № 3. С. 57—74.
- Юревич А.В. Стратегии возрождения российской науки // Высшее образование сегодня. 2003. № 11. С. 24—29.
- Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М., 2001.
- Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука и политика // Природа. 2003. № 5. С. 3—7.
- Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
- Political action. L., 1979.
- Ravetz J. Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971.

Серия WP6 “Гуманитарные исследования ИГИТИ”

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции “прошлого”: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры (“прошлого”). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. “Велик и благороден труд профессора” (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/08. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

Препринт WP6/2004/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Редактор серии *И.М. Савельева*

Андрей Владиславович Юревич

Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *Е.В. Попова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Технический редактор *С.Д. Зиновьев*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,62. Усл. печ. л. 1,63. Заказ № 17. Изд. № 438

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3